

Осенние Сказки

Eyforis Lurt

Осенние Сказки

«Автор»

2026

Lurt E.

Осенние Сказки / Е. Lurt — «Автор», 2026

В этой книге собраны 15 добрых и волшебных историй, которые перенесут вашего малыша в мир золотой осени. Ёжики, бельчата, лягушки и даже обычные мальчики и девочки отправляются в удивительные путешествия. Они находят новых друзей, спасают облака, танцуют с листопадом и ищут тёплые берега. Каждая сказка учит смелости, взаимовыручке и состраданию. Здесь нет места грусти: даже в самый холодный день герои согревают друг друга теплом своих сердец. Вместе с ними ребёнок узнает, что настоящие чудеса живут рядом, а доброта способна победить любой страх. Идеальное чтение для уютных семейных вечеров под шёпот осеннего дождя.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка о Кленовом Кораблике и Шепчущем Ветре	5
Ёжик и Тёплый Шарф для Облака	11
Путешествие Тыквенной Кареты Светлячка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Eyforis Lurt

Осенние Сказки

Сказка о Кленовом Кораблике и Шепчущем Ветре

В маленьком городе, который даже на самой подробной карте был отмечен лишь едва заметной точкой, наступила та удивительная пора, которую местные жители между собой называли «золотой лихорадкой». Но лихорадило здесь не золото в привычном смысле этого слова, а бесчисленные миллиарды кленовых, дубовых и березовых листьев, что каждое утро покрывали тротуары новым многослойным ковром. Городок стоял на берегу неширокой, но быстрой реки Светлянки, и в эту пору река казалась не водой, а расплавленным янтарем, в котором отражалось низкое, уже не греющее, но ослепительно яркое солнце.

В этом городе, в доме с резными наличниками и покосившимся забором, который, впрочем, был увит плющом так искусно, что никто не замечал его ветхости, жил мальчик по имени Петя. Пете было девять лет, и он принадлежал к той редкой породе детей, которые умеют слышать музыку ветра в проводах и различать оттенки серого цвета на зимнем небе. Его комната на втором этаже была настоящим штабом по исследованию неизведанных миров. Стены ее были увешаны самодельными картами созвездий, на подоконнике в банках из-под варенья плавали кораблики из скорлупы грецких орехов, а под кроватью хранился заветный сундук с «важными вещами» — засушенными жуками, блестящими камешками и обрывками карт, которые Петя рисовал сам, воображая себя великим географом.

Но была у Пети одна мечта, которая затмевала все остальные. Он мечтал уплыть в Страну Вечного Бабьего Лета.

Что это была за страна, Петя не знал точно. В его воображении она рисовалась как бесконечное поле, где всегда стоит теплый, чуть влажный воздух, пахнущий печеными яблоками и сухой листвой. Там никогда не бывает ветра, который кусает щеки, и никогда не идет противный колючий снег. Там листья на деревьях не опадают, а лишь слегка золотятся по краям, и можно ходить босиком по мягкой, прогретой за лето земле, собирая поздние грибы. Это было место вечного воскресного дня, когда не нужно идти в школу, а можно до вечера читать книгу или запускать воздушного змея.

Беда заключалась в том, что попасть туда можно было только по реке. В книгах, которые Петя брал в городской библиотеке, говорилось, что «течение Светлянки имеет аномальное свойство искривлять пространство в районе тридцатого поворота». Именно там, за Старым Мостом, вода, если верить легендам, становилась плотной, как кисель, и кораблик, войдя в нее, переставал плыть по воде, а начинал плыть по времени, перенося путешественника в нужный сезон. Но была одна жестокая закономерность: как только первый иней покрывал траву по берегам, вход в этот залив затягивало тонкой стеклянной коркой льда. Лед этот был коварным — он только казался хрупким, но на самом деле не пускал даже самые острые носы лодок.

А в это утро Петя проснулся и с ужасом увидел за окном первые признаки зимы. Лужи на асфальте покрылись тонкой пленкой, напоминающей матовое стекло, а трава на газоне побелела от инея, словно ее припудрили сахарной пудрой. Петя вздохнул. Он смотрел, как дворник дядя Федя методично сгребал листья в большие кучи, и чувствовал, как внутри него закипает горькое разочарование. «Опять не успел», — прошептал он, рассматривая свою карту, на которой синей акварелью был отмечен путь к заветному месту. Река, по которой он так и не решился отправиться прошлым летом из-за страха перед глубиной, сейчас медленно превращалась в ледяную дорогу для пешеходов.

Он оделся потеплее — надел шерстяной свитер, который бабушка связала ему еще два года назад и который теперь немного жал в плечах, натянул шапку с помпоном и вышел во двор. Воздух был хрустальным. Каждый вдох отдавался холодком в носу, и Петя глубоко втянул этот запах — запах уходящего тепла и приближающейся стужи. Он бродил по дорожкам парка, пиная носком ботинка засохшие каштаны, и думал о том, что он, наверное, самый несчастный человек в мире. Ведь все его друзья уже смирились с приходом зимы и готовили санки, а он все еще цеплялся за ускользающее лето.

В этот момент ветер, который до этого дул ровно и настойчиво с севера, принося холод с полярных станций, вдруг дернулся, как живое существо. Он закружился на месте, поднимая в воздух целый водоворот пожухлых листьев. Петя зажмурился от внезапно налетевшей пыли и сухой травы. А когда открыл глаза, мир вокруг замер.

В центре этого вихря, у самых его ног, мягко и бесшумно приземлился лист. Но это был не просто лист. Петя всю жизнь собирал гербарии и знал толк в деревьях, но такого он никогда не видел. Это был кленовый лист, но необычайно огромный — размером с небольшое полотенце для рук. Его цвет был не просто золотым, он переливался всеми оттенками осени: от светлого лимонного у основания до густого, почти красного багрянца на кончиках зубчиков. Пржилки на нем казались не просто жилками растения, а вырезанными на коже рунными письменами — они серебрились и чуть заметно пульсировали, как будто по ним текла не вода, а свет.

Но самое удивительное ждало внутри. Лист был свернут аккуратным кулечком, словно кто-то невидимый сложил его лодочкой. И в этом углублении лежало перо. Обычное птичье перо, серое, с белым кончиком, но оно выглядело идеально отточенным и блестящим, как лезвие маленького ножичка. Оно было легче пуха, но Петя почему-то сразу понял, что это не просто перышко. Это было весло.

— Держись за мой стебелек! — раздался тонкий, шелестящий голос, похожий на шуршание сухой бумаги.

Петя вздрогнул и отступил на шаг. Он огляделся, но вокруг, кроме старого дуба и воробья на заборе, никого не было.

— Ты что, с ума сошел? — спросил Петя у самого себя, но ноги его уже сами шагнули ближе к листу. Осторожно, двумя пальцами, он взял лист за край. Пальцы ощутили приятное тепло — лист был живым. Стебелек, о котором говорил голос, был прочным и гибким, как рыболовная леска.

— Держись, — снова повторил голос, на этот раз более настойчиво. — Время уходит. Река замерзает, но небо еще открыто.

Петя был мальчиком смелым, хоть и мечтательным. В голове его пронеслась мысль о том, что он, возможно, спит и видит сон, но этот сон был слишком ярким, слишком реальным. Он сжал стебелек в кулаке. Тепло разлилось по его ладони, поднялось выше, к локтю, к плечу. И вдруг ноги его оторвались от земли.

Лист не просто плавал в воздухе — он взмыл вверх, как ракета. Петя успел вскрикнуть от неожиданности, но его голос потонул в свисте ветра. Ветер, который еще минуту назад был обычным северным ветром, внезапно изменил направление. Он перестал дуть горизонтально, свернулся в теплый, упругий вихрь, похожий на невидимую спираль, и подхватил Петину лодочку. Петя стоял на листе, балансируя, как серфингист на доске, одной рукой сжимая стебель, а другой держа волшебное перо-весло.

Город под ним стремительно уменьшался. Домики стали похожи на спичечные коробки, машины — на жучков, а люди — на крошечные точки, суетливо бегающие по муравейнику. Петя видел свою школу, которая теперь казалась игрушечной, и свой двор, где дворник дядя Федя изумленно задрал голову, размахивал метлой. Петя помахал ему в ответ, хотя вряд ли дядя Федя мог его разглядеть на такой высоте.

Ветер нёс его на юг, туда, где горизонт был еще туманно-желтым, без намека на серую зимнюю дымку. Петя чувствовал, как холод постепенно отпускает его лицо. Вместо колючего морозного воздуха его щеки стал ласкать влажный, парной ветер, пахнувший прелыми яблоками и сырой землей. Сердце его бешено колотилось от восторга. Он летел!

Но путь его не был прямым. Вихрь, кружащий лист, двигался причудливой траекторией, то ныряя вниз, к кронам деревьев, то снова взмывая в облака. Именно в один из таких моментов, когда лист планировал над смешанным лесом, Петя заметил неладное.

Огромная старая сосна, раскидистая и корявая, стояла особняком на холме. И в ее ветвях, высоко над землей, что-то отчаянно металось и пищало. Это была Белка. Она была рыжей, с пушистым хвостом, который развевался на ветру, как знамя. Вокруг ее лапок запутался старый телефонный провод, который, видимо, оборвался во время урагана и теперь свисал гирляндой между деревьев. Белка висела вниз головой, держась за провод одной лапкой, а другой отчаянно пыталась перегрызть изоляцию, но у нее ничего не выходило. Рядом с ней, на соседней ветке, лежала корзинка, сплетенная из бересты, и из нее на землю сыпались отборные кедровые орешки, которые она, видимо, собирала на зиму.

— Помогите! — пищала Белка тоненьким голоском. — Кто-нибудь! Я не могу удержаться!

Петя увидел это и мгновенно забыл о Стране Вечного Бабьего Лета. Он не мог пролететь мимо. Сжав стебелек листа, он изо всех сил направил его вниз, к сосне. Лист послушно нырнул, лавируя между ветвями, которые, казалось, сами расступались перед ним, чтобы не поранить путешественника.

— Держись! — крикнул Петя, подлетая к Белке. — Я сейчас!

Он приземлился на толстую сосновую ветку, которая пружинила под его ногами, как трамплин. Отпускать лист он боялся — вдруг тот улетит, — поэтому он держал стебелек в зубах, а руками пытался распутать заевший провод. Провод был старым, с заусенцами, и Белка запуталась в нем так сильно, что освободить ее можно было только аккуратно разгибая медные жилы.

— Не бойся, — бормотал Петя сквозь зубы, — сейчас, сейчас...

Он действовал бережно, как хирург. Он боялся поранить зверька, потому что даже в этой суматохе он видел, как Белка дрожит от страха и холода. Наконец, ему удалось снять петлю с ее лапки. Белка, освобожденная, одним прыжком перелетела на соседнюю ветку и уселась на ней, судорожно отряхивая свой чудный хвост от пыли и ржавчины.

— Ой, спасибо! Ой, спасибо тебе, человек! — протараторила она, сверкая черными бусинками глаз. — Я собирала орехи для своих бельчат, этот проклятый провод висел как ловушка... Я думала, мне конец. Если бы не ты, меня бы склевали вороны!

Она запрыгала с ветки на ветку, подобрала рассыпанные орехи, а затем остановилась прямо напротив Пети. Белка почесала лапкой свой пушистый живот и вдруг заулыбалась (а улыбаться белки умеют, если очень захотеть).

— У меня нет ничего ценного, — сказала она. — Есть только эти орехи, но они для детей... Хотя стой!

Она скрылась в дупле, пошуршала там, и через минуту выскочила с маленьким, идеально гладким желудем в лапках. Этот желудь был необычным. Он был не коричневым, а глубокого синего цвета, с серебряной шапочкой, которая переливалась, как лакированная поверхность.

— Это Волшебный Желудь, — торжественно произнесла Белка, вручая его Пете. — Он не простой. Когда наступает темнота, он начинает светиться изнутри мягким, ровным светом, как маленькая луна. Он согревает ладони и отгоняет страхи. Возьми его в дорогу. В Стране, куда ты направляешься, ночи могут быть длинными, но с ним тебе будет не страшно.

Петя взял подарок. Желудь действительно был теплым, и в его глубине, казалось, бился зеленый огонек. Он положил его в карман куртки.

— Спасибо, Белка! — сказал Петя. — Но я должен лететь.

— Лети, мой спаситель, — махнула ему лапкой Белка. — И помни: добро возвращается добром. Ты спас меня, а я даю тебе свет. Это честно.

Петя снова встал на кленовый лист, который терпеливо ждал его, паря рядом с веткой. Как только он схватился за стебелек, ветер снова подхватил кораблик, и они взмыли ввысь, оставляя позади лесную чашу.

Лететь дальше было гораздо веселее. Петя больше не чувствовал себя одиноким. Он смотрел вниз на проплывающие пейзажи: поля, сжатые до блеска, с одинокими стогами сена, деревеньки с дымком из труб, большие озера, которые отсюда казались голубыми монетками. Ветер теплел с каждой минутой.

Но самое удивительное произошло, когда они пересекли невысокую гряду холмов. Петя даже протер глаза, когда увидел это. Среди обычных, уже почти голых осенних деревьев, раскинулась поляна. И это была не поляна в привычном смысле слова. Земля на ней была зеленой, как летом, и вместо травы на ней росли... облака.

Да, самые настоящие пушистые облака, только миниатюрные. Они стелились по земле клубами, похожими на овечью шерсть или на гигантские шарики сладкой ваты. Они были белые, с легким розовым отливом, и издавали сладковатый, головокружительный аромат, который разносился на много километров вокруг. Пахло там ванилью, карамелью и еще чем-то неуловимо детским — возможно, фруктовым мороженым.

Кленовый лист аккуратно снизился и замер в паре сантиметров над этой необычной поляной. Петя прыгнул и ступил на «облако». Нога его не провалилась — облако было упругим, как самый лучший пружинистый матрас. Оно пружинило под ним, и каждый шаг отдавался приятным толчком, словно он шел по воздушной подушке.

Он огляделся. Вокруг действительно царило Вечное Бабье Лето. Воздух был напоен теплом — не жарой, а именно ласковым теплом, когда хочется снять куртку и оставить только футболку. Вдоль края поляны стояли деревья, которые уже давно должны были сбросить листву, но они стояли в пышных золотых нарядах, и листья на них не увядали, а светились изнутри, как маленькие электрические лампочки. В центре поляны бежал ручеек, и вода в нем была не холодной, а парной, поднимая в воздух легкий туман.

— Мы прилетели! — прошептал Петя. — Мы долетели! Это она — Страна Вечного Бабьего Лета.

Он был так счастлив, что не знал, что делать сначала. Ему хотелось бегать по облакам, прыгать, кувыркаться. Но вспомнив о своем спутнике, он обернулся к листу. Кленовый лист, уставший после долгого пути, лежал на ближайшем облаке, чуть подрагивая прожилками, как язык уставшей собаки.

— Отдохни, — сказал Петя и погладил его.

Петя подошел к одному из облачных кустиков. Он был настолько соблазнительным, что невозможно было удержаться. Петя оторвал маленький кусочек — он отломился легко, как кусок зефира, — и положил в рот. Вкус был невероятным! Это было похоже на облако из детских снов: сладкое, тающее, с легкой кислинкой лесных ягод и привкусом, напоминающим о бабушкиных пирожках. Оно сразу подняло настроение, и Петя почувствовал, как его усталость после долгого полета испарилась, словно ее и не бывало.

— Белка говорила, что нужно делиться, — пробормотал Петя. Он снова оторвал кусок облачка и протянул его своему листу. Лист, к удивлению мальчика, «вздохнул» и втянул в себя эту сладкую массу. Его прожилки засветились ярче, и он снова окреп.

Петя съел еще облачко. Он чувствовал себя королем мира. Здесь не было ни уроков, ни домашних заданий, ни звонка будильника. Только он, сладкие облака и золотая листва. Он лежал на спине, глядя в небо, которое здесь было не белесоватым, как дома, а глубоким, лазурным, и думал, что никогда не вернется обратно.

Но время, даже в Стране Вечного Лета, текло по-своему. Внезапно свет на поляне начал меняться. Золото стало темнеть, переходя в янтарное, а затем в фиолетовое. Петя не мог понять, ночь это или просто закат, но он испугался. Он поднялся на ноги и зашагал по поляне. Вокруг стало тихо. Исчезло пение птиц, которое звучало все это время. Только ветер мягко шелестел золотыми листьями, но теперь в этом шелесте слышалась какая-то грусть.

И тут Петя понял, что он здесь совсем один. Да, у него был лист, но лист не мог говорить с ним, как человек. Ему стало холодно, хотя температура не изменилась. Это был холод одиночества. Он засунул руки в карманы и нащупал там подарок Белки — Волшебный Желудь.

Он достал его. В сгущающихся сумерках желудь действительно начал светиться. Сначала слабо, потом все ярче, разливая вокруг себя ровный, теплый, зеленовато-белый свет, похожий на свет луны, но только домашний, уютный. Свет был таким сильным, что озарил пространство вокруг Пети на несколько метров, отбрасывая длинные тени от деревьев.

Свет согрел не только руки, но и душу. Петя перестал бояться темноты. Он сел на облако, держа желудь в ладонях, и стал смотреть на его игру. Внутри желудя, в его сердцевине, Петя вдруг увидел не просто свет. Он увидел картинки. Он увидел свою комнату, свою кровать, на которой спал его плюшевый мишка. Увидел кухню, где бабушка ставила на стол тарелку с горячим супом. Увидел своих друзей, которые, наверное, сейчас играют в футбол во дворе. И запахло не сладкой ватой, а привычным, родным запахом пирогов с капустой, которые всегда пекла его мама по воскресеньям.

Сердце Пети сжалось. Он вдруг со всей остротой понял, что Вечное Бабье Лето — это прекрасно, но это не жизнь. Это пауза. Это застывший миг, который не может длиться вечно. Настоящая жизнь — там, где сменяются времена года, где после осени приходит холодная зима, а потом теплое лето. Там, где ждут его возвращения.

Он посмотрел на кленовый лист, который мирно лежал рядом, отдохнув и набравшись сил.

— Лист, — сказал Петя. — Лист, отведи меня домой. Я хочу обратно. К ужину, как обещала мама. Я хочу туда, где холодно и пахнет снегом, потому что там мои родные.

Лист, казалось, понял его. Он восторженно расправил свои багряные края и снова подставил Пете свой стебелек. Петя взялся за него, спрятал желудь в карман, и они поднялись в воздух. Теплый вихрь, который принес его сюда, теперь закружился в обратную сторону. Он не сопротивлялся, а мягко, бережно, словно эскалатор, понес их назад.

Путь назад был короче. Или просто время летит быстрее, когда знаешь, что тебя ждут. Петя смотрел, как под ним снова проплывают леса, поля, деревеньки. Воздух постепенно становился холоднее, и вот уже в лицо ему снова ударил свежий, колющий морозец. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, и город внизу уже зажигал свои первые желтые окошки.

Кленовый лист аккуратно опустился в том же самом парке, на той же самой тропинке, где Петя и нашел его утром. Петя спрыгнул. Ноги его коснулись твердой, подмерзшей земли. Лист на мгновение задержался в воздухе, прошелестел: «Прощай, друг. Помни: любое путешествие — это дорога к себе» — и, словно потеряв всю свою магию, свернулся в обычный сухой лист и упал к ногам, смешавшись с другими.

Петя оглянулся. Вокруг стояла обычная, почти зимняя осень. Дул холодный ветер, и первые снежинки уже кружились в воздухе, робкие и неуверенные.

Он побежал домой. Сердце его колотилось не от холода, а от нетерпения. Он вбежал в калитку, проскочил через двор, влетел на крыльцо и распахнул дверь.

В нос ударил тот самый запах, который он видел в желуде, — запах маминых пирогов. На кухне горел свет, слышался звон посуды и голоса.

— Петя? — раздался мамин голос из кухни. — Ты где пропадал? Раздевайся и мой руки, ужин стынет!

— А мы уже думали, ты улетел в свою сказку! — пошутил папа, выглядывая из-за газеты.

Петя улыбнулся. Он подошел к столу, сел на свое привычное место. Перед ним стояла тарелка с дымящимся супом и горка пирожков на тарелке. Все было как всегда. Обычно, скучно. И прекрасно.

Он полез в карман, чтобы достать платок, и нащупал Волшебный Желудь. Достав его, Петя увидел, что желудь больше не светится. Он превратился в обычный, коричневый, гладкий желудь. Но на его бочке, когда Петя перевернул его, были выцарапаны маленькие буквы, которых он раньше не замечал. Он поднес желудь к свету и прочитал: «Верь в добро».

Петя сжал желудь в кулаке и улыбнулся. Он вспомнил и Белку, и кленовый лист, и сладкие облака. Он понял самую главную вещь, которую обещала подарить ему эта сказка. Лучшее путешествие — это не то, где ты находишь новые земли. Лучшее путешествие — это то, в котором ты меняешься сам, в котором ты протягиваешь руку помощи, в котором ты спасаешь друга. Потому что именно такие поступки согревают сердце сильнее любого Вечного Лета.

Он сунул желудь в карман, где он будет лежать теперь всегда, и принялся за ужин. За окном кружился снег, первый настоящий снег этой зимы, но Пете было тепло и уютно, потому что он был дома. И в груди его, вместо грусти о несбывшемся, росло тихое, светлое спокойствие.

На следующее утро, проснувшись, Петя первым делом подошел к окну. Земля была белой. Наступила зима. Но он не расстроился. Он достал лист бумаги и карандаши и начал рисовать карту. Карту нового путешествия. Но на этот раз на ней не было загадочных островов или волшебных стран. На карте был изображен его дом, парк, где он нашел лист, и лес, где жила Белка. Это была карта его маленького мира, полного чудес, которые ждали его прямо за порогом. И он знал: чтобы найти чудо, не нужно улетать далеко. Достаточно просто посмотреть вокруг внимательно и быть готовым прийти на помощь. Ведь самое большое волшебство — это доброта, которая, как волшебный желудь, всегда носит с собой свет.

Ёжик и Тёплый Шарф для Облака

В самом сердце старого смешанного леса, где сосны перешептывались с березами, а овраги прятали в своих складках последние грибы, под корнями векового дуба спал Ёжик по имени Фырка. Спал он глубоко и сладко, свернувшись в тугой клубок, похожий на колючий каштан. Ему снился тёплый летний дождь — тот самый, мелкий и морозящий, который так приятно барабанит по иголкам, собираясь в капельки, похожие на крошечные стеклянные бусы. Во сне Фырка довольно посапывал и даже перебирал во сне своими маленькими лапками, будто бежал куда-то.

Но внезапно сон оборвался. Ёжик Фырка проснулся от странного, непривычного ощущения. Сначала он не понял, что именно его разбудило. Вокруг было тихо — не слышно было привычного шелеста листьев за окном-корнем, — но Фырка чувствовал, как его тело пронизывает мелкая, противная дрожь. Он попытался пошевелиться, чтобы свернуться ещё туже, и тут же ощутил, как его иголки, его гордость и защита, странно слиплись и затвердели.

Он с трудом выпростал свою маленькую любопытную мордочку из клубка и выглянул из-под корня. Лучшего пробуждения и желать было нельзя. Весь мир вокруг изменился до неузнаваемости. Трава, которая ещё вчера была зеленой и упругой, сегодня стояла седая и хрупкая, покрытая тонкой, сверкающей глазурью инея. Паутинки, которые обычно невесомо висели между веток, теперь превратились в кружевные серебряные нити, натянутые туго, как струны арфы. Дыхание Фырки вырывалось наружу белыми облачками пара, которые тут же таяли в утреннем воздухе.

— Ой-ой-ой, — прошептал Фырка и чихнул. Чих получился громким и раскатистым: «Ап-чхи-и-и-и!» С его иголок, которые покрылись инеем, посыпался мелкий ледяной бисер, зазвенев о сухие листья, устилающие землю. Иголки Фырки, обычно острые и горячие, сейчас казались ему сосульками, приклеенными к спине. Он попытался их надуть, как делал это всегда, когда хотел казаться больше и страшнее, но иголки не слушались — они заledenели и потеряли свою упругость.

— Это конец, — трагично произнес Фырка, глядя на свои заиндевевшие лапки. — Я превращаюсь в ёжика-мороженого. Скоро я буду просто хрустящей ледяной статуей, и сороки будут на моей голове гнезда вить!

Он попытался пошевелить пальчиками. Лапки слушались плохо, коченели. Холод пробирался не только сквозь иголки, но и сквозь тонкую шкурку на животе, где иголок не было вовсе. Фырка знал, что нужно что-то делать, иначе он действительно превратится в ледышку и не доживет до весны.

Фырка был ёжиком неглупым, хоть и немного суевливым. Он вспомнил, что в лесу, далеко за болотами, у самого подножия Лысой Горы, живёт Бабушка-Метелица. Старуха Метелица была существом загадочным и могущественным — она управляла зимними ветрами и снегопадами, но при этом, как поговаривали старые филины, она была справедливой и иногда помогала лесным жителям, если те приходили к ней с чистой душой. А самое главное — у Бабушки-Метелицы была огромная прялка, на которой она пряла из лунного света и облачной пыли самую тёплую в мире шерсть. Говорили, что из этой шерсти она вяжет рукавицы для зимних ветров, чтобы те не слишком кусались.

— Мне нужна шерсть, — твердо сказал себе Фырка. — Хоть клочок. Я намотаю её на иголки, как варежки, и сразу согреюсь!

Идея была прекрасной, но Фырка помнил, что путь к Бабушке-Метелице неблизкий и опасный, особенно когда лапки уже плохо слушаются. Однако выбора не было. Он глубоко

вздохнул, расправил плечи (насколько это было возможно при его круглой форме) и, перева-ливаясь с боку на бок, выкатился из-под корня.

Снега ещё не было, но земля была твердой, как камень. Каждый шаг отдавался в пятках неприятной вибрацией, и Фырка то и дело поскальзывался на обледенелых кочках. Он шёл через лес, который казался ему чужим и враждебным. Деревья, ещё вчера шумные и гостепри-имные, сегодня молчали, опустив ветви под тяжестью инея. Только дятел, словно назло всей этой тишине, где-то вдалеке долбил кору, но его стук казался Фырке пустым и холодным, как звон льда.

— Фыр-фыр, — пыхтел Ёжик, пробираясь через заросли папоротника, который теперь напоминал застывшие фонтанчики. — Я должен дойти. Я должен найти шерсть. Или я замёрзну.

Он шёл долго. Солнце, слабое и бледное, поднялось над верхушками сосен, но почти не грело. Оно просто освещало мир, делая иней ещё более сверкающим и, отчего-то, ещё более холодным на вид. Иней искрился, переливался всеми цветами радуги, но в этой радуге не было тепла — она была колючей и обманчивой. Фырка уже начал подумывать, не повернуть ли ему назад, когда понял, что сбился с тропы. Вместо того чтобы идти к Лысой Горе, он, видимо, свернул не в ту сторону и теперь карабкался вверх по склону, который становился всё круче и круче.

Это был Высокий Холм. Фырка никогда не был здесь раньше, потому что это был обду-ваемый всеми ветрами пустырь, где не росло ничего, кроме сухого мха и низкорослой брус-ники. Но сейчас он был слишком уставшим, чтобы разворачиваться. Он взобрался на самую вершину, тяжело дыша и чувствуя, как холодный ветер пронизывает его до самого сердечка, которое билось где-то глубоко внутри колючего панциря.

И тут он увидел это.

В небе, прямо над холмом, висело Облако. Но это было необычное облако. Оно было не белым и пушистым, как вата, и не грозovým, тяжелым, а серым, прозрачным и настолько худым, что сквозь него было видно бледное голубое небо. Оно было похоже на старое, высти-ранное до дыр одеяло, которое вот-вот распадется на отдельные нитки. Облако тряслось и подрагивало, словно его бил сильный озноб, и от этого дрожания вниз, на холм, падали мел-кие, редкие капли.

Это был дождь. Дождь в такой холод! Капли, касаясь земли, тут же превращались в кро-шечные льдинки, и Фырка почувствовал, как одна из них упала прямо на его нос.

— Ой! — пискнул он и поднял голову. — Эй, ты! Ты чего плачешь?

Облако, услышав голос снизу, вздрогнуло ещё сильнее и зашевелилось, пытаясь принять более приличный вид, но у него ничего не вышло. Оно было слишком слабым.

— Я... я не плачу, — раздался тоненький, дрожащий голосок, похожий на звон разбитой стеклянной бусины. — Я просто... мне очень холодно! Я забыло свою осеннюю шубку! Я ее где-то потеряло, когда ветер гнал меня через горы. И теперь... теперь меня разносит ветром! Я таю! Я просто исчезаю!

Облако всхлипнуло, и над Фыркой пролился новый залп мелких, ледяных капель. И тут Ёжик увидел, что облако действительно тает на глазах. Его края становились всё более рва-ными и истончались, как кружево, которое стирают в кипятке. Ветер, который дул с севера, безжалостно рвал его на части, унося драгоценную влагу вдаль.

— Ой-ой-ой, — только и смог выдать из себя Фырка. — Бедное Облако. У тебя нет шубки, а у меня... у меня иголки покрылись инеем! Нам обоим холодно.

Он на мгновение задумался. Мысль о том, чтобы идти к Бабушке-Метелице, улетучилась из его головы. Как он мог думать о своей шерсти, когда прямо над ним, на глазах исчезало, превращаясь в ледяной туман, огромное и такое беспомощное Облако? Фырка вспомнил, как ему самому было страшно и холодно под корягой. Он представил, каково это — быть одному,

высоко в небе, без защиты, когда ветер рвет тебя на куски. Сердце Ёжика, маленькое, но горячее, сжалось от жалости.

— Пстой! — крикнул Фырка Облаку. — Не плачь! Ты не растаешь! Я придумал! Я тебя согрею!

Облако удивленно замерло, и дождик на миг прекратился.

— Ты? — удивилось Облако. — Но ты такой маленький! И у тебя самого иголки в сосульках!

— У меня есть иголки! — гордо сказал Фырка. — И я умею вязать! Ну... почти умею. Моя бабушка когда-то учила меня связывать листья в кучки. А в прошлом году я помогал Пауку чинить его сеть. Я знаю, как обращаться с нитками!

Он огляделся вокруг. Холм был пустынным, но зоркий ёжик заметил под ногами, в расщелине между камнями, старые, уже ненужные сети, которые сплел в свое время какой-то трудолюбивый паук. Они были почти невидимыми, покрытыми инеем, но если присмотреться, они были прочными и шелковистыми. Это была прекрасная основа для шарфа.

— Паутина! — воскликнул Фырка. — Вот она, основа!

Он стал осторожно сматывать длинные, тонкие нити паутины в клубок. Лапки его замёрзли и дрожали, но он работал с удивительным усердием. Но одной паутины было мало — она была слишком тонкой, чтобы согреть такое большое Облако.

Тут взгляд Фырки упал на кустик рябины, который рос чуть ниже по склону. На ветках его висели гроздья ягод, но не обычные ягоды. Это были особенные ягоды — осенние листья рябины, которые, упав, приобрели невероятный, огненно-рыжий цвет. Они были сухими, но эластичными, как маленькие кусочки ткани. И они хранили в себе тепло солнечных дней, которые уже прошли.

Фырка начал собирать эти листья. Он нанизывал их на нитки паутины, пропуская между своими иголками. Иголки Фырки, которые ещё минуту назад были такими холодными, что сводили спину, теперь работали как настоящие спицы! Он протыкал листья, продевал нити, завязывал узелки. Это было сложно, но у него получалось.

— Держи, — пыхтел Фырка, — держи нитку, не отпускай, а то она улетит!

В этот момент из-за куста чертополоха появился Заяц. Он был белый, но ещё не до конца, с серыми пятнами на спине, и он трясся от холода не меньше, чем сам Фырка.

— Что это ты делаешь, Ёж? — спросил Заяц, стуча зубами. — И почему ты говоришь с облаком?

— Я вяжу шарф! — прокричал Фырка, не отвлекаясь от работы. — Облако умирает от холода! Помоги мне, держи конец нитки, а то он упадет в траву!

Заяц, хоть и был трусоват, но сердце у него было доброе. Он посмотрел на дрожащее облако, на его прозрачные края, и ему стало жаль небесное создание.

— Держу! — сказал Заяц, подхватив длинную нить паутины, которую спускал Фырка. — Ой, какая она липкая! Но я держу!

А тут из норки, которая находилась прямо у подножия холма, высунула голову маленькая полевая Мышь. Она уже начала делать запасы на зиму и была очень практичной.

— Вы что тут расшумелись? — спросила Мышь пискляво. — Я спать хочу! А вы тут нитки разматываете... А! Что это? Шарф вяжете?

— Да! — хором ответили Ёжик и Заяц.

— Без меня? — обиделась Мышь. — Я, между прочим, умею делать ровные узелки! Моя бабушка была лучшей вязальщицей в Полевом Королевстве!

Мышь ловко подхватила второй конец паутины, которую Фырка сплетал из нескольких слоев, и начала помогать. У неё были маленькие, но невероятно юркие лапки, и она быстро расправляла узлы, которые Фырка завязывал второпях.

И вот на холме, под низким холодным небом, развернулась необычная картина: Ёжик, стоя на задних лапках, вращался на месте, пропуская через свои иголки нити, а Заяц и Мышь стояли по бокам, натягивая эти нити, как струны. В паутину, как драгоценные камни, вплетались рыжие листья рябины. Шарф получался не просто тёплым — он получался красивым! Полосатым: прозрачно-серебристым, где была паутина, и ярко-рыжим, где были листья. И он рос прямо на глазах, удлинялся, становясь всё пышнее и пушистее.

Облако смотрело вниз заворуженно. Оно перестало плакать. Оно заворуженно наблюдало, как эти трое крошечных существ на холодной земле трудятся ради него. В груди Облака, которая ещё минуту назад была пустой и ледяной, начал зарождаться огонёк благодарности и надежды. Ему стало теплее от одного только зрелища их совместной работы.

— Ещё немного! — пыхтел Фырка, у которого от усердия даже носик покраснел. — Ещё один ряд! Мышь, держи плотнее! Заяц, не дёргай!

Работа кипела. Фырка работал иголками, как настоящая вязальная машина. Он делал петли, протягивал нити, вплетал листья. Он так увлёкся, что совсем перестал чувствовать холод. От движения и от того, что он делал доброе дело, его собственное тело начало согреваться. Его иголки, покрытые инеем, постепенно оттаивали, и на кончиках их снова засияли капельки воды, но теперь это были тёплые капельки пота.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, шарф был готов. Это был не просто шарф. Это было произведение искусства. Длинный, широкий, он переливался на солнце (которое вдруг выглянуло из-за облаков) и серебром, и золотом, и рыжим огнём.

— Держи! — крикнул Фырка, поднимая шарф над головой. — Лови, Облако!

Облако осторожно опустилось пониже, почти касаясь макушки холма. Оно протянуло свои рваные края, похожие на руки. Фырка с помощью Зайца и Мыши забросил шарф на Облако, и они начали обматывать его вокруг воздушного тела.

О, это было волшебное зрелище! Как только паутина и листья коснулись облачной влаги, они не намокли, а, наоборот, напитались ею, распушились и превратились в единое целое. Шарф обвил Облако, как кокон. Серые, прозрачные края исчезли, и на свет появилось новое Облако — пушистое, белое, с рыжими прожилками, похожее на сказочного барашка или на гигантский одуванчик.

Облако перестало дрожать. Оно больше не плакало. Оно вздохнуло глубоко и ровно, и от этого вздоха над холмом пронёсся тёплый, ласковый ветерок. Иней на траве начал таять, превращаясь в капли росы.

— Мне тепло! — удивилось Облако. — Мне так тепло и уютно! Спасибо вам, друзья! Спасибо, маленький Ёжик, за твои золотые иголки! Спасибо, Заяц и Мышь, за ваши быстрые лапки!

Облако чувствовало невероятную благодарность. Оно знало, что у лесных жителей не так много радостей в преддверии зимы, и их поступок был бескорыстным. Облако хотело отблагодарить своих спасителей, но у него не было ни орехов, ни грибов. У него была только его сила — сила ветра и высоты.

— Ёжик Фырка, — ласково сказала Облако. — Ты помог мне, когда я был слабым. Теперь я помогу тебе. Хочешь увидеть свой лес с высоты птичьего полета? Хочешь увидеть, где начинается твоя река и где заканчивается твой лес?

— Очень хочу! — пискнул Фырка, который от усталости и счастья уже почти падал с ног.

— Тогда держись за мой край! — сказала Облако и мягко, но уверенно опустило свой пушистый бок к самой земле.

Фырка забрался на Облако. Оно было мягким, как бабушкина перина, и тёплым, как летний день. Он ухватился за край шарфа, который сам же и связал.

— Я тоже хочу! — запрыгал Заяц. — Возьми и меня!

— И меня! — пискнула Мышь, вскарабкиваясь на спину Облака.

Облако засмеялось. Его смех был похож на раскаты далекого весеннего грома, но только доброго, нестрашного. Оно взмыло вверх, легко и свободно, как воздушный шар.

Мир внизу распахнулся перед ними, как огромная книга. Лес, который Фырке всегда казался бесконечным и тёмным, отсюда был виден как на ладони. Он был цветным: зеленые пятна сосен, золотые рощицы берез, бурые проплешины полян. Фырка увидел реку Серебрянку, которая извивалась лентой, и даже увидел свой собственный дуб, под корнями которого он спал. Он увидел нору Мыши, похожую на маленькую бусинку, и тропинку Зайца, петляющую между кустов.

— Ух ты! — кричал Заяц, от восторга забыв о своей обычной трусости. — Вон мой огород! Я вижу свою капусту!

— А вон мой амбар! — пищала Мышь. — Только он такой маленький отсюда, как спичечный коробок!

Фырка молчал. Он смотрел и смотрел, впитывая эту красоту глазами. Он понимал, что это лучший подарок, который он мог получить. Это было путешествие, о котором он и не мечтал. Он чувствовал, как ветер треплет его иголки, но ветер теперь был тёплым, потому что дул от Облака, согретого его шарфом.

Но всё хорошее, как известно, кончается. Солнце начало клониться к закату, и лес внизу окрасился в багряные и фиолетовые тона. Облако бережно начало снижаться.

— Мне пора, — сказала Облако. — Ветер зовёт меня дальше, в тёплые края. Но я никогда не забуду вас. И шарф мой я сохранию навсегда.

Оно опустилось прямо к норке Фырки. Не к той, старой, под корнем, а к его новой, настоящей норке, которую он вырыл себе на зиму и в которой ещё ни разу не ночевал. Облако мягко, как пушинку, опустило Ёжика на порог его домика. Заяц сиганул в кусты, махая длинным ухом на прощание, а Мышь юркнула в свою норку, пообещав прийти завтра в гости.

— Прощайте! — крикнуло Облако, тая в вечернем небе, но оно не таяло от холода, оно улетало в свою сказку, оставляя за собой лишь розовый след на горизонте. — Спасибо вам за тепло!

Фырка стоял у входа в свою норку. Он чувствовал себя совершенно другим ёжиком. Он был уставшим, но счастливым. Его иголки были чистыми, без инея, и даже как будто блестели сильнее обычного. Он сделал великое дело — он спас Облако, и это согрело его изнутри.

Тут из норки, из самой глубины, донёсся восхитительный аромат. Фырка принялся. Пахло шиповником, мёдом и чем-то ещё, очень вкусным, похожим на сушёные яблоки. Он заглянул внутрь и увидел, что на маленьком пеньке, который служил ему столом, стоит глиняный горшочек. Из горшочка валил пар.

Рядом с горшочком лежала записка, написанная корявым, но разборчивым почерком: «Для спасителя облаков. От Бабушки-Метелицы. Ты не пришёл за шерстью, но ты нашёл её в своем сердце. Пей чай и не болей. Твой поступок согрел небо, и теперь зима будет мягче».

Фырка улыбнулся. Он вкатился в норку, закрыл за собой дверцу из сухой коры и подошёл к горшочку. Чай был горячим, душистым, с кислинкой шиповника и сладостью липового цвета. Он пил его маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается по всем его иголкам, по лапкам, до самого кончика носа.

Он сидел в своей уютной норке, за окном которой сгущались сумерки, и думал о том, как странно устроен мир. Утром он проснулся замёрзшим и одиноким, думая только о себе. А вечером он сидел с горячим чаем, подаренным самой Метелицей, и в сердце его было столько тепла, что хватило бы растопить целый айсберг. Он понял, что настоящее согревающее средство — это не шерсть и не варежки, а доброе дело, совершённое для другого. Когда ты спасешь кого-то, ты спасаешь и себя.

Допив чай, Фырка забрался в свою постель, устланную сухим мхом, свернулся в свой любимый клубочек. Иголки его мягко касались друг друга, и это прикосновение было тёплым,

как рукопожатие друга. Он закрыл глаза и приготовился спать. Но перед сном он выглянул в маленькое окошко норки. На небе, далеко-далеко, он увидел маленькое светящееся пятнышко. Это было его Облако, улетающее в ночь. Оно светилось, потому что в него были вплетены листья рябины, которые отражали свет далёких звёзд.

Фырка помахал лапкой в ночное небо, прошептал: «Спокойной ночи, Облако», — и провалился в глубокий, тёплый сон. Ему снилось, что он летает высоко-высоко, обнимая своими колючками всё небо, и что всё вокруг — и звёзды, и ветер, и даже сам холод — улыбаются ему в ответ.

А наутро, когда Фырка проснулся, он увидел за окном первый снег. Крупные, пушистые хлопья падали на землю, но они не казались ему холодными. Он знал, что где-то там, в вышине, летит его знакомое Облако, укутанное в шарф, и что благодаря ему зима будет добрее. Фырка улыбнулся, выпил ещё немного остывшего чая, натянул на себя свой самый большой осенний лист как плед и понял, что он самый счастливый ёжик в мире. Ведь он обрёл друга, и даже расстояние и высота не могли разрушить эту дружбу.

Так Ёжик Фырка, маленький колючий герой, доказал самому себе и всему лесу, что в мире есть только одно волшебство, которое сильнее самого лютого мороза, — это волшебство сострадания и бескорыстной помощи. И пока оно живёт в сердце, ни один иней не страшен.

Путешествие Тыквенной Кареты Светлячка

В самом дальнем углу дедушкиного огорода, там, где забор уже покосился, а крапива разрослась в непроходимые джунгли, среди обычных грядок с морковкой, свеклой и петрушкой, росла Тыква. Но это была не просто тыква, каких много на бахчах и огородах. Она росла не так, как все её зелёные и оранжевые собратья. Пока остальные тыквы мирно наливались соком, грея свои бока на солнышке и думая лишь о том, как бы стать больше и слаще, эта Тыква была странной. Она росла под старым кленом, тень от которого падала на неё только по вечерам, и, возможно, именно поэтому в ней поселилась мечта.

Каждый вечер, когда дедушка уходил в дом, а небо окрашивалось в розовые и фиолетовые тона, Тыква вздыхала. Её оранжевые бока, гладкие и упругие, начинали чуть заметно вибрировать, словно внутри неё звучала неслышная для людей музыка. Она смотрела на горизонт, который был виден из-за забора, и думала о том, что там, далеко-далеко, есть что-то огромное, солёное и бесконечное. Она не знала, как это называется, но всем своим тыквенным нутром чувствовала: там, за лесами и полями, за горами и реками, плещется что-то, что может утолить её вечную жажду приключений.

В огороде её никто не понимал. Старая картошка, умудрённая опытом, ворчала, что «мечты — это пустое, главное — набрать вес до первых заморозков». Морковка, которая вечно сидела в земле и видела только кротов, считала Тыкву выскочкой. «Сидела бы тихо, как все, — пищала она тонким голосом, — а то вдруг охота тебе на море. Нашёл море в деревне!» Огурцы, которые висели на плетях и качались от ветра, только посмеивались, болтая своими пупырчатыми боками. Одна Тыква, большая и круглая, как солнце, закрывшееся в зените, была одинока в своей мечте.

Но однажды вечером, когда сумерки начали сгущаться, а звёзды только начинали зажигаться на небе, в огороде случилось событие, которое изменило всё. Уставший после долгого перелёта через лес, на её тёплый оранжевый бок приземлился Жук-Светлячок. Он был маленьким, но важным. Его брюшко светилось мягким, зелёным светом, похожим на свет далёкой звезды, упавшей на землю. Светлячок тяжело дышал — он облетел весь лес в поисках пропавшей искорки, которую уронила его подруга, и теперь просто хотел отдохнуть.

Он сел на Тыкву, вытянул свои тонкие лапки и закрыл глаза. Но в ту же секунду произошло чудо. Как только его светящееся брюшко коснулось кожуры, Тыква вздрогнула. Она вздрогнула так сильно, что Светлячок чуть не слетел с неё. А затем... она засветилась. Изнутри.

Тыква озарилась тёплым, янтарным светом. Её стенки стали почти прозрачными, как у китайского фонарика, и внутри неё, в самой сердцевине, заплясали золотые искры. Светлячок изумлённо распахнул глаза и увидел, что от его света зажглось что-то гораздо большее, чем он сам. Тыква пульсировала мягким, мерцающим ритмом, как живое сердце.

— Ой! — воскликнул Светлячок, взлетая в воздух. — Кто здесь?

— Это я... Тыква, — раздался голос. Он был глубоким, бархатным и немного грустным. Голос исходил отовсюду — от оранжевых стен, от зелёного хвостика, даже от земли под ней. — Ты меня осветил, маленький жук. Ты коснулся меня своим огнём, и я очнулась.

— Я... я просто отдыхал, — заикаясь, проговорил Светлячок, который никогда раньше не разговаривал с овощами.

— Ты поможешь мне? — спросила Тыква, и в её голосе послышалась такая тоска, что у Светлячка сжалось сердечко. — Я хочу увидеть море. Я хочу увидеть его своими глазами, почувствовать его солёный ветер и услышать его шум. Я выросла здесь, в тени клёна, среди картошки и морковки, но я знаю, что море существует. Я чувствую его зов, когда ветер дует

с юга. Помоги мне, светящийся жук. Ты умеешь летать, ты видел мир. Помоги мне добраться до моря.

Светлячок задумался. Он был маленьким существом, привыкшим к ночным полётам над лугом, и он понятия не имел, где находится это загадочное море. Он видел только речку за лесом да большое озеро за холмами. Но он знал, что значит мечтать. Он сам мечтал когда-нибудь залететь так высоко, чтобы коснуться облаков.

— Я не знаю, где море, — честно признался Светлячок. — Но я знаю одно: я не могу оставить тебя здесь, если у тебя такая большая мечта. Я помогу тебе. Мы отправимся в путь, будем искать вместе. Я обещаю, что буду светить тебе в темноте, чтобы ты не сбилась с пути.

Тыква засветилась ярче от радости. Её оранжевые бока задрожали, и она начала медленно отделяться от земли. Её зелёный хвостик, который держал её за плеть, с хрустом оторвался, и Тыква, тяжело переваливаясь с боку на бок, сделала первый шаг, вернее, первый поворот. Она покатилась по огородной тропинке.

Катясь, она набирала скорость. Её круглая форма оказалась идеальной для путешествия. Она катилась между грядками, оставляя за собой гладкую колею, и Светлячок летел над ней, освещая путь своим зелёным фонариком. Но когда они добрались до калитки, Тыква остановилась. Она упёрлась в деревянный порожек и не могла перекатиться через него.

— Я слишком большая, — расстроилась Тыква. — Я не пролезу. Мне нужны колёса. Или... или крылья.

Светлячок приземлился на её макушку и задумался. Его маленькие усики шевелились от напряжения.

— Колёса, — прошептал он. — Но где их взять в огороде? Здесь есть только тыквы и кабачки...

Он огляделся. Взгляд его упал на старую телегу, стоявшую у сарая. У телеги не хватало одного колеса, но остальные три были вполне приличными, круглыми, обшитыми железом. Светлячок был слаб, чтобы их сдвинуть, но он позвал на помощь ветер. Ветер в этот вечер был шутливым и послушным, он дунул изо всех сил, и колеса покатались сами, подкатались к Тыкке. Светлячок ловко прикрепил их к бокам Тыквы с помощью крепких травинки и смолы, которую натёк на старом дереве.

И тут произошло ещё одно чудо. Как только колёса коснулись боков Тыквы, она преобразилась. Её верхняя часть плавно приподнялась, образуя крышу, похожую на купол кареты. Окна вырезались сами собой, словно кто-то невидимый работал резцом. Бока стали гладкими, как полированный янтарь, а изнутри заструился тёплый, манящий свет. Тыква превратилась в самую настоящую карету. Изумрудную, золотую, сверкающую.

А Светлячок, который сидел на верхушке, вдруг ощутил, как тонкие нити паутины сплелись в уздечку, которая протянулась от кареты в пустоту. Он не знал, кто будет запряжён, но вдруг понял: он — кучер. Он отвечает за этот экипаж. Он сел на облучок, который вырос из задней стенки, взял в руки поводья из паутины, и карета мягко тронулась с места. Она проехала через калитку, оставляя позади удивлённый огород, где морковка шепталась о чуде, а картошка крестилась своими ростками.

Путь лежал через лес. Лес был тёмным и дремучим, полным коряг и глубоких оврагов. Но карета, ведомая Светлячком, легко объезжала препятствия. Светлячок горел как маленький маяк, и его зелёный свет смешивался с янтарным сиянием тыквы, освещая дорогу на десять шагов вперёд. Но одному Светлячку было тяжело. Его огонёк то разгорался, то угасал от усталости, и карета двигалась медленно.

— Мне нужна помощь! — крикнул Светлячок в ночную тишину. — Братья мои, светлячки! Услышьте меня!

И из-за кустов, из-за каждого листочка, из травы и из-под корней начали вылетать его сородичи. Сначала один, потом два, потом десять, потом сотня. Они кружились вокруг кареты,

как звёздный рой, и каждый нёс в себе частичку света. Они выстроились в длинную светящуюся нить, которая тянулась далеко вперёд, указывая путь через чашу.

— Мы с тобой, брат! — гудели они. — Веди карету! Мы осветим тебе дорогу до самого края земли!

И путь стал проще. Теперь карета мчалась по лесу, как огненный шар, окружённый роем светящихся пчёл. Звери выглядывали из нор, чтобы поглазеть на это дивное шествие, и многие из них втайне завидовали Тыкве, которая катилась к своей мечте.

На второй день пути, когда они выехали из леса на широкую поляну, карета внезапно остановилась. На дороге, прямо перед колёсами, лежала соломинка. Обычная, сухая, пшеничная соломинка. Но она была не одна — её тащил Муравей. Маленький, чёрный, мускулистый муравей, который пыхтел и надрывался, пытаясь перетащить свою ношу через кочку. Соломинка была в три раза длиннее его самого, и он цеплялся за неё всеми шестью лапками, но она застревала в траве и не двигалась с места.

— Эй, путешественники! — крикнул Муравей, увидев карету. — Не могли бы вы помочь? Я строю муравейник для своей королевы, и мне нужна эта соломинка для перекрытия! Она идеальная, но слишком тяжёлая!

Тыква, которая смотрела на муравья своими волшебными окнами, вдруг распахнула свою дверцу. Внутри кареты было пусто, но мягко и тепло.

— Залезай, — сказала она своим глубоким голосом. — И соломинку бери с собой. Мы доведём тебя до твоего муравейника. Это же по пути.

Муравей сначала засомневался. Он был серьёзным насекомым и не привык доверять незнакомым транспортным средствам. Но усталость взяла своё, а свет, исходящий из тыквы, обещал отдых. Он втащил свою соломинку внутрь кареты, прислонил её к стенке и, обессиленный, плюхнулся на мягкое сиденье, образованное из тыквенной мякоти.

— Как хорошо! — прошептал Муравей, вытирая пот со лба. — Тут так тепло! Я бы и сам мечтал когда-нибудь увидеть море, но у меня работа, королева, муравейник...

— А ты отдохни, — сказал Светлячок с облучка. — Море никуда не убежит. А мечта у тебя есть. Мы все тут с мечтами.

И карета покатила дальше, унося в себе нового пассажира. Теперь их было двое, если не считать Светлячка и самой Тыквы. Муравей, отдохнув, выглянул в окошко и восхищённо смотрел на проплывающие мимо пейзажи. Он никогда не видел мир так быстро и так красиво.

К вечеру второго дня они въехали на мост через ручей. Но мост был старым, и в нём не хватало нескольких досок. Карета бы провалилась, если бы не Паучок, который сидел на перилах и горько плакал. Он был маленьким, серым, с длинными, тонкими ножками, которые дрожали от холода и отчаяния.

— Что случилось, малыш? — спросил Светлячок, останавливая карету.

— Я потерял свою паутину! — всхлипнул Паучок. — Я плел её три дня, такую красивую, сверкающую, на рассвете, когда роса падает! А тут налетел ветер, и она порвалась, и меня унесло на мост! А как я теперь вернусь домой? И как я буду ловить комаров? Моя паутина — это моя жизнь, моя песня, моё искусство!

Тыква, услышав это, распахнула дверцу шире.

— Залезай, ткач, — ласково сказала она. — У нас в карете есть стены. Ты можешь сплести новую паутину прямо здесь, пока мы едем. У тебя будет чем заняться.

Паучок поднял свои заплаканные глаза и посмотрел на тёплый, сияющий экипаж. Он увидел внутри Муравья, который мирно жевал свою соломинку, и ему стало не так страшно. Он вскарабкался по колёсам, залез внутрь, и сразу же, по привычке, начал плести серебряную нить от стенки к стенке. Его лапки двигались с невероятной скоростью, и скоро в углу кареты начала расти новая, ещё более красивая паутина, мерцающая в свете тыквы.

— Спасибо вам! — прошептал Паучок, успокаиваясь. — Я тоже хочу... я хочу когда-нибудь увидеть такой большой мир, чтобы моей паутины не хватило его накрыть.

— Мы все хотим увидеть что-то большое, — сказал Муравей. — Даже мы, маленькие.

И карета покатила дальше. Светлячки-братья летели впереди, освещая путь, а внутри кареты было тесно, но уютно. Муравей рассказывал истории о подземных лабиринтах, Паучок показывал фокусы со своей новой паутиной, а Тыква слушала их и смеялась. Её смех был похож на перезвон колокольчиков, и от этого смеха карета катилась быстрее.

Три дня длилось их путешествие. Они проезжали поля, заросшие цветами, пересекали ручьи и речки, объезжали спящих медведей и разговаривали с мудрыми филинами. На третий день, когда солнце уже клонилось к закату, Светлячок, который сидел на облучке, вдруг замер. Он увидел впереди, между деревьев, странное свечение. Оно было синим, глубоким, бесконечным.

— Кажется, мы приехали, — прошептал он.

Карета выкатилась из-за последних сосен, и перед ними открылось огромное пространство воды. Это было озеро, но такое большое, что его берегов не было видно. Вода переливалась всеми оттенками синего и бирюзового, отражая закатное небо. Волны, хоть и маленькие, набегали на песчаный берег с лёгким шипением, напоминающим шёпот. Вода пахла влагой, рыбой и свежестью. Чайки кружили над водой, и их крики звучали как песня свободы.

Тыква, увидев это, ахнула. Она остановилась у самой кромки воды, и её янтарный свет смешался с синевой озера, создавая фантастическую гамму. Из её окошек повысовывались головы: Муравей, Паучок и, конечно, сам Светлячок.

— Море... — прошептала Тыква. — Я вижу море. Оно... оно огромное! Оно дышит!

— Это озеро, — поправил её Муравей, который был практичным. — Оно не солёное. Но оно действительно похоже на море!

— Мне всё равно, — сказала Тыква, и в её голосе слышались слёзы счастья. — Я вижу бескрайнюю воду. Я слышу её шум. Я чувствую её влажность на своей коже. Моя мечта исполнилась.

Она медленно покатила по песку, оставляя за собой ровный след, и заехала прямо в воду по самые колёса. Волны касались её боков, и это прикосновение было нежным, как поцелуй. Тыква засветилась ярче солнца, и все вокруг ахнули.

Друзья высыпали из кареты на берег. Муравей оставил свою соломинку и, забыв о королеве и муравейнике, бегал по песку, оставляя крошечные следы. Паучок, вдохновлённый видом, начал плести огромную паутину между двумя прибрежными соснами, украшая её песчинками и капельками воды. Светлячки, братья, устроили в воздухе грандиозный фейерверк, кружась и переливаясь зелёными и голубыми огнями.

А Тыква стояла на мелководье и смотрела на горизонт. Она никогда не была так счастлива. Она поняла, что море — это не обязательно вода. Море — это состояние души. Это чувство, когда ты свободен, когда ты не привязан к одной грядке, когда ты можешь катиться, куда захочешь, и когда рядом с тобой есть те, кто разделяет твой путь.

Они устроили на берегу праздник. Светлячки освещали поляну, Паучок сплёл гамаки из паутины между деревьями, Муравей, используя свою невероятную силу, натаскал ягод и орехов, которые росли на опушке. Они сидели на тёплом песке, слушали, как волны нашептывают свои тайны, и смотрели на звёзды, которые зажигались над их головами.

— Знаешь, Тыква, — сказал Светлячок, сидя на её макушке и глядя на отражение звёзд в воде. — Я боялся, что не найду море. Я боялся, что мы заблудимся. Но мы нашли его. И оно даже лучше, чем я себе представлял.

— Это не я нашла море, — ответила Тыква. — Это мы нашли его вместе. Если бы не твой свет, я бы так и осталась в огороде. Если бы не братья твои, мы бы застряли в лесу. Если

бы не Муравей и Паучок, нам было бы скучно и грустно. Друзья — они как мой свет: с ними любая дорога становится короче, а любое море — ближе.

Муравей, который как раз доедал свой орех, поднял голову.

— Я никогда не думал, что увижу такое, — сказал он. — Там, внизу, в земле, мир тесный и тёмный. А здесь — простор. Я даже не хочу возвращаться.

— Но ты должен, — мягко сказал Паучок. — У тебя королева, муравейник. У нас у всех есть дела. Но мы можем возвращаться сюда снова и снова. Мечты не убегают. Они ждут.

Они просидели на берегу всю ночь. Они говорили о жизни, о своих страхах и надеждах. Светлячок понял, что он не просто кучер, а путеводная звезда. Он понял, что его свет важен не только для того, чтобы светить, но и для того, чтобы вести за собой. Тыква поняла, что иметь мечту — это полдела. Важно найти тех, кто поможет её осуществить. А искать и находить — вот самое главное приключение.

Наутро, когда солнце взошло и окрасило озеро в золотые и розовые цвета, они начали собираться в обратный путь. Но перед тем как тронуться, Тыква попросила всех остановиться.

— Я хочу оставить частичку себя здесь, — сказала она. — Как память о нашем путешествии.

Она выкатилась на берег и, немного поколебавшись, оставила на песке одну маленькую золотую тыквенную семечку. Она лежала на белом песке, сверкая на солнце, как маленькое солнышко.

— Пусть здесь вырастет новый дом для мечтателей, — сказала Тыква. — Пусть те, кто ищет море, находят здесь приют.

Карета снова тронулась в путь, ведомая Светлячком. Обратная дорога показалась им короче, потому что они везли в своих сердцах частичку того великого, что видели. Муравья они высадили у его муравейника, и он пообещал, что теперь построит ещё один этаж, с которого будет видно озеро. Паучок сплёл такую паутину в своей ветке, что она отражала солнечный свет, напоминая ему о водной глади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.